

Очень трудно, говоря о Шукшине, «в лоб» оперировать хрестоматийными понятиями Вера, Церковь. Не рискуем ли мы быть объективно непонятыми как со стороны самой Церкви, так и ее противников? Церковью за то, что он не был прилюдно воцерковленным человеком, строго следующим канонам церковных служб и постов... А неверующие наверняка скажут: «Вот еще из одного делают святого! Почитайте-ка лучше его рассказ «Верую» про неверующего попа!» Чтобы не вдаваться в спор между этими двумя сторонами, лучше обратиться к самому писателю, актеру и режиссеру, находя в его творчестве и биографии страницы, кадры и факты по затронутой нами теме.

Кажется, у большинства русских людей глубоко в душе лежит и в то же время просто с языка срывается: «Он свой, он наш!» Это и так ясно. И мне ясно, и всякому-любому, кто с радостью берет любой том Шукшина или смотрит любой фильм с его участием или им поставленный. Это — так душа скажет. Сходу. Но вот «по уму»... Тут уж, поверьте, простая бабушка скорее объяснит и проще. С ходу — нет, потому что, трудно поддаваясь рациональному, умственному объяснению, — в чем заключается православие в творчестве В. Шукшина, — сердцем мы сразу принимаем и недоуменно восклицаем, глядя на непобедимого скептика: «Да как же иначе?! Да он же... да вы что?!» А скептик все так же, прищуриив глаза, с ухмылкой будет глядеть на нас: «Ну-ну... и где же у него Бог, у коммуниста? Что он, в церковь ходил?»

Так с чего же начнем, братцы? С чего? А от печки и начнем, с тех самых печек и лавочек. Что-то же и у нас есть универсальное: и для ума и для сердца? Есть, слава Богу, уместившее иррациональное в рациональном — Далев словарь. «Крестьянин (по Владимиру Далю) — Крещеный человек, мужик, землепашец, земледелец». Говоря о Шукшине, мы не раз еще вспомним все эти далевские определения. Вспомним и по «Калине красной». И по сценарию, и по фильму. Вспомним, потому как, несмотря на всю разницу положения вора-рецидивиста Егора Прокудина и самого Шукшина, в герое внутренне очень много личного от Шукшина-писателя и еще больше от режиссера и актера:

«Егор все шел. Увязал сапогами в мягкой земле и шел.

— У него даже походка-то какая стала!.. — с восхищением сказал Губошлеп. — Трудовая.

— Пролетариат, — промолвил глуповатый Бульдя.

— Крестьянин, какой пролетариат...»

(Так в киноповести. Только, помнится мне, замечу в скобках, что в фильме сказано про походку «мужицкая», и что эти уточнения Шукшина-режиссера перед

Шукшиным-писателем только еще раз объемно, по-далевски, раскроют единую, неразрывную связь понятий слов крестьянин-христианин-мужик-землепашец).

Для скептиков о теме «Шукшин и православие...» можно говорить и формально, анкетно: верил-не верил, ходил в храм или нет?.. Можно. Если так, то — был крещен. Вероисповедания православного (а какое же может быть еще у русского крестьянина?) Когда в 1956 году родились племянники, дети Натальи Макаровны, Надя и Сережа Зиновьевы, он был им крестным. Крестил их в Бийской православной церкви втайне от их отца, Александра Зиновьева, которого очень любил. Потому, верно, и берег его, боялся навредить по службе.

К вопросу о вере. В 1961 году после смерти Александра он написал своей сестре Наталье такие слова: «..я не верю ни во что — и верю во все. Верю в народ... Я хочу, чтобы меня похоронили... по-русски, с отпеванием, с причитаниями...» Да, в этом «..я не верю ни во что — и верю во все» слышно язычество, и это для любого русского, тем более деревенского мальчишки неосознанно-естественно. Жизнь крестьянского мальчика в Сростках, это — Катунь, согра, костры на островах, ночное. Это и есть то язычество, которое каждый во младенчестве проходит, как прошло его во младенчестве человеческое общество. Но еще тогда, заглядывая в неизвестный конец жизни, он уже осознанно желает, «чтобы меня похоронили... по-русски, с отпеванием, с причитаниями...» Конечно, кому-то вспомнится есенинское:

*Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать,
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.*

Нет в этом никакой натяжки. Да, Шукшин любил Есенина. И не случайно в рассказе с самым, пожалуй, актуальным для нашей темы названием «Верую!» (1970) поп (именно «попом» назовет всякий, полуосуждая, но больше любя, этого героя) с большой душой плачет от есенинской песни. Да при этом произносит слова, которые не всякий в быту скажет, постесняется. Для этого душу надо иметь чистую и широкую, да не бояться покаяния, ибо рядом сидит такой же человек с больною душой: «Милый, милый!.. Любил крестьянина!.. Жалел! Милый!.. А я тебя люблю». За что же скептик осудит этого попа? За широту русской души, которую, по выражению Достоевского, «можно немного сузить»? Нет, пожалуй, не сужается она до объема вмещаемого в стакан. Нет! — говорит своим рассказом Шукшин, мы такие: и попы, и приходящие к ним по-простому, смутно тоскующие мужики. Мы — русские, нам верить — так во все сразу, что есть в жизни, во все на свете.

Вопрос обращения к вере человека, раньше не проявлявшего к религии никакого интереса, — в рассказе 1972 года «Гена Пройдисвет». Интересно, что сначала Шукшин назвал его «Антихрист ббб». В нем напрямую ставятся вопросы веры и неверия. Конфликт между Геной, бросившим институт и из-за беспокойного, неуживчивого характера нигде надолго не задержавшимся, и его дядей Гришей, «новообращенцем», возникает из простого желания Гены уличить дядю, расколоть его. Жизнь дядя понимает просто: «вся жизнь свыше записывается на пленку, как в кино, а после смерти прокручивается». Из его уст звучит главная, пожалуй, мысль рассказа: зачем искать подтверждений чуду — они просто на огороде, где все растет из земли. Разве это не чудо? И человек тоже — из нее вышел, в нее и

уйдет. Неизбежная при непонимании Гены драка до крови с дядей Гришей, как борьба веры с не столько воинственным, сколько невежественным неверием, примирается самой жизнью: Нюра, крупная, здоровая и очень добрая дочь дяди Гриши по-родственному разнимает, разводит их по углам, умывает и ставит на стол мировую бутылку, а сама идет доить корову. Грустная народная песня остужает спорщиков, и Гена задумчиво смотрит, наблюдая за еще одним обыденным чудом: корова дает молоко. Он, совсем успокоившись, отказывается от водки и решает: «Лучше я стихи напишу. Про корову».

Еще к вопросу о вере, — высказанное Шукшиным и документально засвидетельствованное в письмах 1969 года к Василию Белову, касающихся темы, очень болезненной для русского человека вообще, а творческого в особенности. Тема серьезная, потому нет в словах Шукшина никакого ироничного оттенка, наоборот, упомянут единственный надежный способ, дающий возможность преодолеть напасть: «А пить бросил. Побожился. Не надо...», и еще «Давай, как встретимся, поклянемся на иконе из твоего дома: я брошу курить, а ты пить». Крепче, видимо, силы, как от отчей иконы, не нашлось. И это у писателя, у которого такой словарный запас! А слова нашлись лишь эти, единственно убедительные.

А можно говорить не о внешней стороне, когда имя Божие упоминается, а о том едином мире, внутреннем мире Шукшина-человека, и том, что создавался Шукшиным-писателем, мире, в котором Имя Его подразумевается нравственным состоянием самого автора и его героев.

Творчество писателя корнями в его истоках. Шукшинские истоки — чернозем Алтай. Сам Алтай — природный храм, в котором Вася Шукшин жил среди преданий, среди людей и тех простых бабок, что сохранили и традиции, и веру. Крестьянская, деревенская проза — из истоков народной культуры, которая по сути своей культура православная.

Интересно, что вся русская классическая литература в большей степени литература деревенская. Бунин начинался, как в последнее время сказали бы, как «писатель-деревенщик», со стихотворения «Деревенский нищий», и весь состоит, кажется, из ощущений деревенской усадебной жизни, пахнувшей антоновскими яблоками, прелыми листьями, сырым сизым черноземом, пронизан сквозящими лучами низкого вечернего солнца в саду. Все это и в его «Деревне», в «Митиной любви», «Жизни Арсеньева», и пребывание героев вне размеренной сельской жизни скорее исключение. Деревенской усадебной жизнью живут герои Льва Толстого, Гончарова, Гоголя, Лескова, Чехова, Некрасова, Фета, Никитина, Кольцова. Вне почвы никогда не родились бы глубоко народные страницы пушкинского «Онегина», тургеневских «Бежина луга», «Записок охотника». Почвенность всей русской классической литературы, осознание чувства связи с родной русской землей несомненны, как несомненна православная ее основа, полученная классиками не столько из уроков Закона Божия, сколько из нравственно чистых устоев народной русской жизни. Как исключительно народны десятки тысяч пословиц, собранных Владимиром Далем, но сложенных простым Народом, создавшим и сохранившим сам русский язык.

«И лежал он, русский крестьянин, в родной степи, вблизи от дома... Лежал, прикинув щекой к земле, как будто слушал что-то такое, одному ему слышное». О чем же рассказывает «Калина красная»?

Есть вечно новая Евангельская притча о возвращении блудного сына в родительский дом. Она проходит через всю русскую литературу. Это не хеппи-энд,

счастливым концом на западный манер, когда герой через горы трупов становится счастливым, это — духовное восхождение к вершинам нравственности заблудшего сына, часто опустившегося до крайней точки и понявшего, что единственное его спасение в возвращении к корням, к отчужденному дому. Древняя как мир и вечно новая тема, переживаемая каждым в жизни.

Шукшин до буквы, до запятой в своем творчестве, и как писатель, и как режиссер и актер неразрывно связан с темой крестьянина, простого человека от земли. Истоки нравственности, отразившиеся в его творчестве — в материнской любви простой крестьянской женщины. Так же глубока и его любовь к матери, своей родине.

Мать Василия Макаровича Мария Сергеевна так учила своих детей: «Не надо смеяться над человеком, а вот самого униженного, падающего, вот ему-то и надо помочь, поднять на ноги, чтобы он встал». И в этом ее крестьянском-нравственном природно проявилось то, о чем говорил Толстой: «Ненавидь дурное в человеке, а человека люби». Эти нравственные христианские традиции, просто высказанные в материнском завете, проявились почти с первых строк шукшинской прозы, и звучат все отчетливее во всем творчестве писателя. Полюбить героя, самого, казалось бы, несимпатичного для читателя, дать ему проявить себя даже в самых преступных поступках и не отнимать у него искры человеческого — в этом сила шукшинского, по-христиански милостивого творчества.

Казалось бы — чего проще писать «плохих» героев черной краской, а хороших — в радужных тонах. Примеров «плохих», «отрицательных» героев у Шукшина множество, но следуя заветам — материнскому «человека люби», и христовому «да любите друг друга», он и в них ищет «искру божью». Возьмем для примера крайне негативных шукшинских героев. Женщина-вахтер из документального рассказа «Кляуза», героем которого был сам Шукшин, и который писался, как признается Василий Макарович, «со зла». Но даже в крайней степени озлобления, когда человек обычно пускается во все тяжкие, говоря о своих обидчиках, пытаюсь найти в них самое плохое, — даже в этом случае в нем говорит человек: «Вообще, удивительно, что я забыл ее лицо, — я думал: буду помнить его долго-долго, всю жизнь. И вот — забыл. Забыл даже: есть на этом лице бородавка или нету. Кажется, есть, но, может быть, и нету, может быть, это мне со зла кажется, что есть». А в конце рассказа он прямо ищет оправдание ее наглости и хамству: «Может, у ней драма какая была в жизни,.. она обиделась на веки вечные...»

Интересны герои рассказа «Охота жить». Случай сталкивает в таежной избушке старика Никитича с беглым заключенным. Сам автор не проявляет симпатии к беглому преступнику, его блатной речи и выходкам, и мы видим его скорее глазами Никитича, — человека не без греха, но жизненная человеческая сила которого вызывает у читателя уважение.

«— Не боишься меня, отец?

— Тебя-то? — изумился старик. — А чего тебя бояться?

— Ну... я ж лагерник. Может, за убийство сидел.

— За убийство тебя Бог накажет, не люди. От людей можно побегать, а от его не уйдешь.

— Ты верующий, что ли? Кержак, наверное?

— Кержак!.. Стал бы кержак с тобою водку пить.

— Это верно. А насчет боженок ты мне мозги не... Меня тошнит от них. — Парень говорил с ленцой, чуть осевшим голосом. — Если бы я встретил где-нибудь этого вашего Христа, я бы ему с ходу кишки выпустил».

Дважды Никитич спасает беглеца: от холода и от нагрянувших работников прокуратуры, и в третий раз дает возможность бежать ему, уже предавшему однажды старика. И получает предательский выстрел в спину. Не Шукшин любит-ся этим парнем, не он жалеет беглеца. Но, не оправдывая его, он все же находит причину всем его поступкам, не нравственную, а скорее животную. И выносит ее в название рассказа: «Охота жить».

Редкий, если не единственный случай в творчестве Шукшина, когда не только у автора, но и у всех действующих лиц главный герой находит прямое осуждение. Это рассказ «Крепкий мужик» (1969). Со слов близкого друга Шукшина, А.П. Саранцева, прототипом бригадира Шурыгина, свалившего в селе церковь, был его родной дядя, и об этой истории он рассказал Василию Макаровичу. Осуждает Шурыгина не только весь деревенский мир. По народному поверью его ждет проклятье и гибель, и об этом ему прямо говорит мать: «...то ли дома окочурисся в одночасье, то ли где лесиной прижмет невзначай...»

Была в этом рассказе мысль, вложенная в уста Шурыгина: «Ведь все равно же не молились,.. а теперь хай устраивают. Стояла — никому дела не было, а теперь хай подняли». И эта тема, прозвучавшая в «Крепком мужике», не оставляет Шукшина. Он задумывается: так ли на самом деле виноват народ, молча глядевший на разрушающиеся храмы? Отчего они рушатся: от времени, от рук таких «крепких мужиков», поощряемых властью, или от безразличия власти? И тогда, в том же 1969 году он пишет рассказ «Мастер». Герой его, Семка Рысь, в отличие от благополучного бригадира Шурыгина, хоть и забулдыга, но — подвижник, одержимый идеей постижения красоты и секретов мастерства, рожденной им при виде церкви в селе Талица. Для него красота определяется не временем создания церкви, как ему говорят умные люди в облисполкоме, — для него она природна, и он готов бесплатно трудиться, восстанавливая красоту. Но его желание постичь «о чем же думал тот неведомый мастер, оставляя после себя эту светлую каменную сказку?» разбилось об отказ властей. И этот духовный рост от «забудлыги», как называет его Шукшин в начале рассказа, к человеку был остановлен. «А если случалось ехать талицкой дорогой, он у косогора поворачивался спиной к церкви, смотрел на речку, на луга за речкой, курил и молчал».

Сам образ разрушающихся, заброшенных православных храмов становился для Шукшина символом утраты нравственности в обществе, реально наметившегося разрушения деревни, ухода из нее молодежи, забывающей родной дом и родителей... И Шукшин пишет сценарий «Калины красной». В нем — та же вечная тема евангельской притчи о заблудшем сыне, вставшем на путь возвращения к людям, земле, матери. Путь Егора Прокудина от жизни вора к истокам крестьянской жизни тяжелый, жертвенный. Мало кто из нас поверит, что во время исхода крестьянской молодежи из деревни к легкой жизни такой случай типичен, но мало кто может усомниться, что он единственно праведный. Оттого так близко к сердцу воспринял народ фильм «Калина красная», не как мелодраму, а как рассказ о поступке человека, который каждый хотел бы совершить в жизни. Для того, чтобы ощутить себя единым народом, объединенным общими нравственными ценностями.

Видеоряд «Калины красной» усиливает эту тему. В первых кадрах, когда Егор плывет по реке, мы видим в ней затопленный храм как символ разрушенной жизни героя. Во второй раз отраженный в воде храм возникает в сцене бегства с «малины». То, что не мог сказать Шукшин-писатель, говорит Шукшин — кине-

матографист. Одна из самых эмоционально напряженных сцен фильма — сцена раскаяния Егора после поездки к матери. В киноповести ее еще нет, но ко времени съемок в Шукшине происходит что-то, что позволило ему снять, как мне кажется, кусок совсем не прокудинской жизни. Помните: Егор останавливает грузовик, выбегает из машины и падает на пригорок, за которым белеется храм. Помните слова, которых нет в сценарии, слова — крик души: «Господи! Прости меня, Господи!...»? Кажется, что это уже не столько слова Егора, сколько самого Василия Макаровича. В последних кадрах фильма из бегущего по реке «Метеора» снова виден храм. Затопленный. Видя его, думается: Егор-то покался, а мы? И кровь Егора, как понял и не ошибся народ, это кровь самого Василия Макаровича. Она запекшимися в гроздья капельками в октябре 1974 года, без сценариев и указаний сверху, горела над морем подлинно народного горя, враз навалившегося на всю Россию. Море горя, людское море и алые капельки, капельки, капельки у Новодевичьего...

В том же 1969 году Шукшин пишет рассказ «Залетный». Герой рассказа носит характерное имя Саня Неверов. В самой фамилии этого человека заложена некая позиция к вере. Но он, больной хрупкий человек, неизвестно откуда взявшийся в селе, вызывает жалость и уважение у местного кузнеца не столько к себе, сколько ко всей жизни, данной человеку и мало им ценимой. «Сны матери», «На кладбище», «Осенью», — во многих рассказах размышления писателя о смерти. Но «Сны матери» — особый цикл рассказов, даже не рассказов, а записанных от матери воспоминаний о ее снах. Читаешь, и такое чувство, будто что-то вечное в них, древнее, и небесное и земное сразу. То ли Евангельские притчи вспоминаешь, то ли сказки народные, но чувства светлые, волшебные, истинно детские. В них признание своего природного, стихийного православного восприятия жизни, ясное, не требующее доказательств — это же материнское! И уже ясный путь к православию осознанному.

В Шукшине, и в его творчестве, и в жизни есть то, что глубоко близко русскому человеку — совестливость. И это тоже от матери. Когда отца арестовали, за него в семье молились. Через много лет, узнав, что ее сын приезжает домой, в Сротки, не один, а со своими московскими друзьями, Мария Сергеевна прибрала икону, висевшую в избе. Шукшин заметил, что угол непривычно пуст, и спросил мать, где икона. Та объяснила ему, что она постеснялась гостей и боялась сыну хоть чем-то навредить. На что Шукшин сказал: «Не надо, мама, ты повесь ее».

В статье «Нравственность есть правда» Шукшин говорит о самом сокровенном в своем творчестве. В ней есть очень важные для понимания самого Шукшина слова о том, что одна из главных задач его собственного творчества «...выявить попутно свой собственный запас доброты...» и еще — в жизни и творчестве нести Правду с большой буквы, «...ибо это мужество, честность, это значит — жить народной радостью и болью, думать как думает народ, потому что народ всегда знает Правду». Собственно это и есть ключ к пониманию всего того, что Шукшин нес людям: снимал ли кино, писал книги, играл. Оттого русским людям так близко все то, о чем он говорил, и по-толстовски, по-христиански любил людей: и живых, и придуманных им самим.

Что же было в последние годы жизни самого Шукшина?

В апреле 1974 года, когда Шукшин лежал в больнице, близкий его друг, кинорежиссер Р.А. Григорьева, навестила его, оставила Евангелие и уехала на съемки.

На алтайский адрес киногруппы он и отправил из больницы письмо, полученное лишь спустя год, когда Шукшина уже не стало. Оно многое определяет в вопросах его веры. Евангелие лежало у него под подушкой, и он все время думал: что же там находят другие, и это его злило. А когда он открыл Евангелие и стал читать, его словно обожгло. Для него определился наш общий исход: куда же России без Христа? И признается, наконец: Верую. Верую, как мать в детстве учила: в Отца и Сына и Святаго Духа.

Вот я и думаю: а нужно ли спорить? Шукшин явился на этот свет — это такое счастье! Человек, с образом которого и его творчеством в душе каждого русского человека звучат простые светлые слова: Мать, Природа, Земля, Совесть, Душа, Родня, Россия, Правда. А еще — Любовь и Вера.